

Одним из важнейших показателей качества жизни в современном городе гуманитарная урбанистика считает уровень счастья его населения. Статья посвящена прояснению смыслов взаимосвязи города и городской культуры с понятием счастья, с историческими изменениями образов счастья и их места в актуальных практиках городской жизни. Предпринята попытка анализа мифопоэтического дискурса счастья в контексте города.

Ключевые слова: город; счастье; сообщество; пространство; городское развитие; будущее; поэтика города. /

According to the humanitarian urbanistics, one of the most important indicators of the quality of life in a modern city is the level of happiness of its population. The article seeks to clarify the meaning of the relationship of the city and urban culture with the concept of happiness, with historical changes in the happiness images and their place in the contemporary practices of urban life. An attempt is made to analyze the mythopoetic discourse of happiness in the context of the city.

Keywords: city; happiness; community; space; urban development; future; poetics of the city.

Счастливы в месте? / Happy in the place?

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет / text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

Нижеследующий текст сопрягает понятия «город» и «счастье». Он написан автором, исходя из чувства страха за будущее, ответственности и надежды. После того, как предыдущие подобные сопряжения, развернутые в статьях «Город и чума» [4] и «Город и война» [5] показали актуальность соответствующих исследований и прогнозов, кажется, самое время написать уже, наконец, о счастье.

Итак, город и счастье... Как часто в своих профессиональных и просто человеческих размышлениях мы ставим рядом эти понятия? Зависит ли счастье человека от места, в котором он проживает свою жизнь? В какой мере сам горожанин связывает представление о собственном счастье с феноменом города, его пространством, средой, архитектурой, мифологией и прочим? Говоря о связи города и счастья, имеем ли мы в виду нечто коллективное, то, в чем индивидуальный опыт счастья соединяется с опытом социального общежития? Насколько понимание города как места возможного (или невозможного) счастья важно для наук, теоретических представлений и деятельностных практик, связанных с развитием города, городского социума, городской культуры и многих других аспектов гуманитарной урбанистики?

В XXI веке все эти вопросы, как и веками ранее, остаются открытыми. Но, возможно, впервые в истории развития городов вопросы эти обретают исключительно насущный характер. Сегодня невозможно проектировать, строить и развивать города, формировать урбанизированные ландшафты, не задумываясь о том, способствует ли современный город появлению у своего жителя чувства счастья. И дело тут совсем не в утопическом образе некоего вожделенного «города счастья», где все жители круглосуточно пребывают на общей волне ничем не замутненного, блаженного самоощущения, а в том, что вне ценности счастья в принципе обесмысливаются любые проекты и программы в сфере урбанизации. Гипотеза, которой инспирированы нижеследующие размышления, заключается в том, что категория счастья является ключевым пунктом всякого проектного целеполагания. Город, не создающий условий для человеческого счастья, бессмыслен. Впрочем, ровно то же можно сказать о любого масштаба локальном людском сообществе – от семьи до страны. Город – лишь один из важнейших уровней, один из наиболее очевидных пространственно-географических контекстов возможности/невозможности человеческого счастья.

Испытываем ли мы счастье от того, что живем в каком-то конкретном городе, в определенном географическом месте (собственно, город и есть место; в ряде славянских языков «место» и означает город)? Или, быть может, главное – не столько город, сколько люди, с которыми мы соседствуем, разделяя многочисленные и многообразные особенности локальной истории, уклада, культуры, ценностей и т. д.? Иначе говоря, что ближе к истине: мы «счастливы в месте» или мы «счастливы вместе»? В какой мере локация с ее пространственными, пластическими и визуальными чертами, а в какой мере комьюнити с его бытовыми, деловыми, эмоциональными и прочими связями являются источниками, детерминантами, средой нашего счастья? И главное – в какой степени счастье городской жизни связано с повседневным проживанием опыта чувственной эмпирики, а в какой – с ментальными рефлексиями этого опыта? В каких мифопоэтических формах городской культуры находит как вдохновение, так и воплощение счастье горожанина?

> Клод Адриан Гельвеций

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

Много ли нужно для счастья?

Расхожий вопрос «Много ли нужно для счастья?» обычно употребляется в качестве чисто риторического выражения, предполагающего сам собой разумеющийся ответ. При этом вопрос исходит из синтетического опыта таких непреходящих человеческих пороков, как жадность, стяжательство, гордыня, чрезмерное самомнение, отсутствие чувства меры – в общем, всего того, что переводит дискурс счастья в пространство количественных показателей. Ответ же состоит в том, что условия персонального человеческого счастья на самом деле более чем скромны. Суть ответа основана на различии понятий удовлетворенности и счастья, имеющих совершенно разный смысл (что мы хорошо знаем, в частности, по различным быденным выражениям типа «деньги есть, а счастья нет»). Проецируя это различие понятий на ситуацию жизни в городе, на ее историю и актуальность, мы легко можем понять, что город вообще редко (если не сказать – почти никогда) говорит с человеком о счастье. В основном он говорит об удовлетворенности жизнью в ее внешнем проявлении.

Такие опции современной жизни горожанина, как дом, работа, дача, машина, досуг и т. п. репрезентируют в социальном пространстве его образ жизни и знаки удовлетворенности своим положением в городе и его сообществах. Но это крайне опосредованно связано с тем, счастлив ли этот удовлетворенный жизнью горожанин, поскольку счастье верифицируется не внешней репрезентацией, а внутренним самочувствием, ощущением внутреннего согласия с самим собой. Способствует ли городская жизнь этому?.. Может ли она этому способствовать?.. Насколько вообще правомерно искать смысловые корреляции между городом и счастьем?.. Все это важнейшие вопросы для современных исследований как в сфере эвдемонических и фелицитологических теорий (учений о счастье как причинном основании морали и о путях его достижения), так и в области гуманитарной урбанистики.

Многие века город, во всяком случае, европейский, пост-античный, развивался в такой системе социальных координат, где разговор об индивидуальном человеческом счастье или о коллективном счастье городского сообщества (в современном значении этих понятий)

не имел смысла. Религиозная парадигма культуры (речь, прежде всего об иудеохристианской парадигме) определяла столетиями неизблемые полюса общественных и индивидуальных ценностей, оформленные в образах мифологических дуальностей – хаоса и творения, рая и ада, неба и преисподней, ангелов и демонов, греха и святости и т. д. Фундаментально важный ветхозаветный сюжет «Изгнания из рая» на многие века вперед предопределил такой ментальный конструкт европейской цивилизации, в котором счастье (определявшееся в разное время разными, но сходными по смыслу терминами) было категорией утраченного «прекрасного прошлого» («потерянного рая»). Религиозным сознанием счастье понималось не столько как состояние, которого нужно достичь,

< Аньоло Бронзино. Аллегория счастья. 1567

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

сколько как состояние, к которому нужно возвратиться. Актуальная же жизнь человека и общества, их повседневное существование мыслились как состояние страдания, единственно возможное в земном мире. Таким образом, на протяжении длительного исторического времени счастье, будучи предметом как индивидуальной мечты, так и общественного устремления, парадоксально мыслепологалось не в будущем, а в прошлом и потому отсутствовало в футурологическом урбанистическом дискурсе.

Пожалуй, лишь со времени Возрождения и Реформации можно заметить некоторые, поначалу робкие, рефлексии счастья как внерелигиозной ценности. Позднее, по мере идеологической эмансипации культуры, счастье начинает вырисовываться как этический идеал, как цель социальных устремлений. Эпоха Просвещения, вслед за Возрождением наследующая идеалы античного гуманизма и интерес к человеку, рождает уже вполне светский дискурс счастья. Представитель великой плеяды французских просветителей, философ-материалист и поэт Клод Адриан Гельвеций в своей поэме «Счастье» размышляет об истоках и природе счастья, в метафорической форме представляя условия его достижения. Следуя мыслям и суждениям Эпикура, а также непосредственно обращаясь к сенсуализму Локка, Гельвеций критически осмысляет эфемерные удовольствия жизни, ее преходящие ценности. Он ищет опытные основания «правильного» мировоззрения, открывающего двери в «храм счастья» через просвещение, науки и искусства. В итоге своего поэтического философствования Гельвеций приходит к такому концепту счастья, в котором личное удовольствие в конце концов абсорбируется общественным благом, а счастливым представляется человек, много преуспевший в освоении наук и искусств, отличающийся разнообразием вкусов и в наименьшей мере ставящий собственное счастье в зависимость от других людей.

Именно этот концепт, пройдя последующие дополнения и трансформации в XIX–XX веках, определил современный интерес к теме счастья в психологии, социологии, антропологии, политике и, конечно, в теориях урбанистического развития. Представление о городе как «месте счастья» (вне зависимости от того, является оно мифом или рациональной моделью) движет сегодня

теми, кто принимает решения в сфере формирования городской среды, в области градостроительных стратегий, в программах развития городских общественных практик и т. п. В своем стремлении институционализировать это «движение к счастью» на государственно-управленческом уровне некоторые страны и регионы создают «министерства счастья», финансируют исследования и проекты, направленные на реализацию стратегий развития, предполагающих достижение максимальной удовлетворенности населения качеством жизни. Однако, как уже было отмечено выше, удовлетворенность и счастье – разные категории, за которыми стоят разные смыслы. Конечно, в контексте современной городской культуры и жизни они взаимообусловлены. Но абсолютно не тождественны. Развитие экономики и социальной сферы, техники и технологий за последние полвека сформировали устойчивое убеждение (а скорее – иллюзию) в возможности достижения счастья через материальное и социальное благополучие. Счастье стало трактоваться как некий ментальный общественный (и даже национальный) ресурс. Сегодня оно выступает объектом квалиметрии и статистики, отображается в разного рода экспликациях и инфографике, включается в качестве критерия качества жизни в разнообразные программы, доклады и презентации и все более трактуется как показатель успешности управленческой деятельности в сфере городского развития.

Нельзя, однако, не признать, что в ходе всего этого содержательное наполнение понятия счастья довольно существенно изменилось. Некогда будучи почти метафизической категорией, счастье сегодня обрело целый ряд семантических модусов – от экзистенциального до политического. На пути от антифеодалного и просветительского пафоса Гельвеция до пропагандистского пафоса революционных идеологов XX века счастье трансформировалось в обязательный маркер социального оптимизма, пережив при этом свою темпоральность и переместившись из прошлого в будущее.

...И хочется счастья добиться

Перемещение образа счастья в неизменно туманную область будущего – важнейший момент возникновения

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

интереса к нему со стороны урбанизма и проектной культуры в целом. Дело тут в том, что такая смена исторического топоса счастья дала возможность видеть в нем некую потенциально достижимую цель, в то же время, не неся ответственности за меру счастья в настоящем, здесь и сейчас. При этом в общественной риторике понятие счастья все более объективируется, обобществляется, отчуждается от индивидуума и переносится из пространства «мое» в пространство «наше». Соответствующий дискурс счастья любопытно отражается в архитектуре и градостроительстве, пластических и изобразительных искусствах, в литературе и кино. В кино, вероятно, особенно явно; фабрика грез в этом не знает себе равных. К примеру, в снятом в 1934 году знаменитом фильме Григория Александрова «Веселые ребята» (читай – счастливые) главная героиня – простая девушка Анюта в исполнении Любови Орловой поет:

*Радость поет, как весенний скворец,
Жизнь и тепла, и светла,
Если б имела я десять сердец,
Все бы ему отдала.
Сердце в груди
Бьется, как птица,
И хочешь знать, что ждет впереди,
И хочется счастья добиться.*

Ее оптимистичное пение вселяет уверенность, что счастье (которое «ждет впереди») – это то, чего можно «достичь», «добиться», «сделать» индивидуальной силой воли и активностью решительного личного действия. Уже через два года, в фильме того же Александрова «Цирк» образ счастья предстает куда более коллективным, общественным. «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», – поет хор устремленных в будущее героев.

Десятилетием ранее Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» возглашал:

*Пройдут года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летá,
и счастье*

*сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.*

Пропагандистский дух 1920-х – 1930-х годов способствовал выхолащиванию понятия счастья как индивидуальной ценности, как ценности мелкобуржуазного, «мещанского» уклада и все более утверждал его в качестве социально-психологического инструмента манипуляций коллективным бессознательным. По сути, происходило постепенное слияние дискурсов города и счастья в тоталитарно-утопический дискурс «Города счастья», где «холодок бежит за ворот» то ли от блаженства, то ли от ужаса. Впрочем, под сияющей поверхностью «счастья как общественного блага» культурой проявлялись, проговаривались и иные его модусы. В связи с городом и частным опытом городской жизни счастье (даже под тяжким прессом коллективистской культуры XX века) оставалось вариативным, субъективно различающимся.

Я хотел бы жить...

Наш современник, поэт Владимир Вишневский весьма иронически выразил вариативность счастья известными строчками:

*А счастье было так возможно,
И так возможно, и вот так...*

При всей юмористичности эта мысль неожиданно глубока, поскольку указывает на счастье как на возможное, но не обязательное к свершению. В XX веке, пожалуй, именно поэзия концептуализировала счастье как нечто ожидаемое, желаемое, предполагаемое, возможное (причем во множестве альтернативных сценариев), как некую многообразную потенциальность. Эта поэтическая концептуализация счастья касается и его связи с городом. Возможность счастья предстает в некой сослагательности – «если бы..., то...». При этом, как уже было отмечено выше, условие счастья в одном случае связано с возможностью «быть в месте» (то есть в конкретном городе), а в другом – с возможностью «быть вместе» (с другим человеком). Эти возможности всегда так или иначе

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

взаимоотносятся в пространстве поэтического текста, но редко пересекаются таким образом, чтобы образовать некую пространственно-временную точку счастья.

Поясним эту мысль на трех поэтических примерах. Вышеупомянутый В. В. Маяковский в стихотворении 1925 года «Прощанье» сообщает нам, используя сослагательное наклонение:

*Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли –
Москва.*

Словосочетание «жить и умереть» определяет Париж (заметим, задолго до хемингуэевского «Праздника, который всегда с тобой») как место потенциального счастья, которое, впрочем, не осуществится, оставшись лишь возможностью, потому что есть другой город – Москва. Зная подробности личной жизни поэта в этот период и то, как всего через пять лет в самом центре Москвы завершится его земной путь, мы понимаем, что желанного пересечения **«в месте»** и **«вместе»** не произошло. Слияния города и счастья в единство умиротворительного хронотопа не случилось.

Спустя полвека Иосиф Бродский ровно теми же словами начинает свое стихотворение «Развивая Платона»:

*Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава – рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показывавший кулака...*

И далее, в отличие от Маяковского, не развернувшего никаких образных экспликаций Парижа, Бродский плотно и подробно, в великом множестве деталей, описывает воображаемый желанный город, в котором он мог бы ощущать себя счастливым. Впрочем, буквально говорит об этом лишь единожды, в последней строфе:

*я бы втайне был счастлив, шепча про себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая «Vive la Patrie!»*

Бродский обращается к воображаемому адресату с латинизированным именем Фортунатус, что можно перевести как «Счастливчик». Это (да и само название стихотворения, явно отсылающее к платоновской концепции идеального города) не просто адресует нас к античным истокам образов, связывающих в пространстве поэтического воображения город и возможное счастье. Фортунатус – словно бы альтер-эго автора, его зеркало, через диалог с которым он одновременно смотрит на город снаружи и изнутри, как бы эксплицируя его как место возможного счастья. Бродский говорит: «<...> я бы втайне был счастлив», и это «втайне», внутренне, невидимо – имеет ключевое значение в понимании того, как должны сходиться город и счастье, наполняя глубоко интимным смыслом образ «места», «малой родины» («Vive la Patrie!»).

За четырнадцать лет до этого стихотворения Бродский написал свое знаменитое:

*Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать...*

«Город счастья» предстает здесь как место, где ты (в своем воображении) готов умереть. Как и «<...> я хотел бы жить и умереть...» у Маяковского. В этом ощущении места счастья как места обретения вечного покоя видна интуиция особого, вневременного топоса счастья. Счастье не в прошлом и не в будущем, оно внутри, в сердце того, кто его ищет. Посему нет никакого противоречия в том, что в реальности место счастья и, одновременно, обретения вечного покоя у Бродского как бы двойится, что, пообещав прийти умирать на Васильевский остров Петербурга, он фактически оказывается на венецианском острове Сан-Микеле. Счастье (как и смерть) сшивает воедино разные города, обнаруживая, что «в месте» иногда означает не столько «в городе», сколько «вместе с городом», то есть отражает невозможность расстаться с ним, даже если это не один, а несколько городов.

Третий поэтический пример – написанное в 1916 году (заметим – задолго до вышеупомянутых стихотворений авторов-мужчин) стихотворение Марины Цветаевой, начинающееся все с того же сослагательного наклонения:

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

*Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола...*

Уже в первых двух строчках есть все, что нужно для счастья – «с Вами» и «в маленьком городе». **«Вместе в месте»** – в любимом городе с любимым человеком. То, что город маленький, принципиально важно для возникновения хронотопа счастья. Будь даже в реальности город большим, поэтическое масштабирование приводит его в соответствие с внутренним космосом автора. И в этом видится восходящая к Гельвецию идея независимости персонального чувства счастья от внешних условий. Даже когда к этим условиям принадлежат чувства того, с кем ты **«вместе»**.

*...И может быть, Вы бы даже меня не любили...
И далее –
Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.*

Щедрая на любовь двадцатичетырехлетняя Цветаева находит удивительно тонкое и точное сопряжение города и счастья. В отличие от Маяковского и Бродского ее «я хотела бы жить...» практически совпадает с «я живу» и означает: «я счастлива», безусловно, без «если» и «когда».

Уходя еще далее, вглубь истории поэтических рефлексий счастья, объясняющих многое в том, почему городской человек может быть вполне удовлетворен текущей жизнью, но не быть при этом счастливым, невозможно не вспомнить еще две великие строчки, принадлежащие двум великим авторам. Речь о лермонтовской строке из стихотворения «Парус» – «Увы! Он счастья не ищет...» и о пушкинской – «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Применительно к сегодняшнему, все более экзальтированному дискурсу счастья (особенно в контексте урбанистического развития) эти строки звучат как разоблачение политического, административно-управленческого или маркетингового мифа.

Мифология счастья сегодня – это мифология жизни без страдания, мифология замещения страдания счастьем, в пределе – мифология достатка, здоровья и бессмертия. В реальности это выражается в формировании у городского жителя (через повышение уровня социаль-

ной и материальной удовлетворенности) устойчивой иллюзии счастья или возможности его достижения. Сам же горожанин при этом мыслится пассивным «потребителем счастья». Сам он «счастья не ищет», он индифферентен к нему как феномену внутренней самоидентификации. Беда лишь в том, что и предлагаемая ему пушкинская альтернатива – «покой и воля» – остается ему чуждой и непонятной.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. – 2015. – №1. – С. 116–133. – URL: <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-2015/64-abramzon-t-e-k-voprosu-o-russkom-schaste-poeziya-xviii-veka> (дата обращения: 14.07.2022)
2. Гельветий, Клод Адриан. Счастье. Поэма / вступ. статья и пер. М. А. Дынника. – Москва : Гослитиздат, 1936. — 101 с.
4. Самолдина, С. Р. О государственном счастье в одах «A La Fortune» Ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 10 (339). – С. 116–118
3. Топография счастья. Этнографические карты модерна : [сборник статей] / [сост. Н. Ссорин-Чайков]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2013. – 404 с. : ил.
4. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 64–69
5. Салмин, Л. Город и война // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 114–121

References

- Abramzon, T. E. (2015). To the Question of the Russian Happiness (18th-Century Poetry). Libri Magistri, 1, 116-133. Retrieved July 14, 2022, from <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-2015/64-abramzon-t-e-k-voprosu-o-russkom-schaste-poeziya-xviii-veka>
- Helvetius, C.-A. (1936). Happiness. Poem (M. A. Dynnik, Trans.). Moscow: Goslitizdat.
- Salmin, L. (2019). The city and the plague. Project Baikal, 16(60), 64-69. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1475>
- Salmin, L. (2021). The city and the war. Project Baikal, 18(69), 114-121. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1862>
- Samoldina, S. R. (2014). O gosudarstvennom schast'e v odah "A La Fortune" Zh. B. Russo i "Na schast'e" M. V. Lomonosova [About the State Happiness in odes "A La Fortune" by J.-B. Rousseau and "For Happiness" of M. V. Lomonosov]. Bulletin of Chelyabinsk State University, 10(339), 116–118.
- Ssorin-Chaykov, N. (Ed.). (2013). Topografiya schast'ya. Etnograficheskie karty moderna [Topography of happiness. Ethnographic maps of modernity] [collection of articles]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.